

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.94.327.1853/1855

DOI 10.23951/1609-624X-2021-4-121-130

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА «ТРЕХ ГЛАВ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ВОЕННОЙ ИСТОРИИ 1853, 1854 И 1855 ГОДОВ» Е. П. КОВАЛЕВСКОГО

Е. В. Александрова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Введение. Представлен ранее практически не исследованный материал исторических очерков Е. П. Ковалевского, посвященных событиям Дунайской кампании.

Цель – изучить жанровое своеобразие очерков Ковалевского с точки зрения их содержания (осмысления событий), формы (проблема повествователя) и определить их роли в литературном процессе 1850-х гг.

Материал и методы. В центре исследовательского внимания – «Три главы из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов», написанные непосредственным участником событий и одновременно представителем официальных кругов. Материалы, опубликованные в «Отечественных записках» в 1856 г., рассматриваются в сопоставлении с изданным только в 1868 г. (по политическим соображениям) произведением «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах». В работе использованы сравнительно-сопоставительный и культурно-исторический методы.

Результаты и обсуждение. Очерки Ковалевского представляют собой важный факт одного из первых осмыслений событий Дунайской кампании на фоне замалчивания официальными кругами политических причин начала Крымской войны. Двойственная позиция автора-повествователя и специфика содержания определили своеобразие жанровой формы – синтез документального изложения с элементами очерка и рассказа. Заложённая в «Трех главах...» этическая проблематика (проблема героя, патриотизма) и их поэтика (описание природы, роль повествователя) расширяют горизонты творческих поисков автора и дают толчок в осмыслении, подаче нового материала (форма и содержание) современникам.

Заключение. Выявлены типологические свойства исторического очерка в творчестве Ковалевского и его художественные особенности. Исследование очеркового жанра на примере «военных рассказов» Ковалевского дает возможность выстроить линию творческой преемственности в русской литературе (Толстой и Достоевский). Работа будет полезна ученым историко-филологического профиля: с точки зрения генезиса, синтетической природы очеркового жанра (идея патриотизма неразрывно связана с позицией автора и ролью повествователя) и литературно-фактографического контекста событий Крымской кампании.

Ключевые слова: Е. П. Ковалевский, Дунайская кампания, Крымская кампания, жанр, очерк, идея патриотизма, роль повествователя.

Введение

Егор Петрович Ковалевский – широко известный в середине XIX в. путешественник, общественный и политический деятель, писатель. Начало репутации Ковалевского как «верного защитника славянских народов» было положено в 1839 г. в Черногории, когда горный инженер возглавил отряд черногорцев в борьбе с австрийцами, проявив незаурядный дипломатический талант. Об этой истории не будет упомянуто в российских газетах, не напишет о ней и сам Ковалевский. Очерки «Четыре месяца в Черногории» (1841), снискавшие ему славу «Колумба Черногории», откроют читателям Ковалевского-писателя. «Интерес к образу жизни, социально-историческому устройству „братьев – Славян“» [1, с. 8] отразится и в 3-й и 4-й частях «Странствователя по суше и морям»: «Карпаты» (1845), «Нижний Дунай и Балканы» (1849). В его описании путеше-

ствия в Юго-Восточную Европу сочувствие к славянским народам, находящимся под гнетом Оттоманской империи, проявляется очень ярко.

С 1853 по 1854 г. Е. П. Ковалевский находился в Черногории, Молдавии и Валахии, но не в качестве путешественника, а как «доверенное лицо и политический секретный агент русского правительства в турецких и австрийских славянских землях» [2, с. 274]. Непосредственно участвуя в Дунайской кампании, Ковалевский по поручению князя М. Д. Горчакова работает над записками о войне, пользуясь документальными материалами и свидетельствами очевидцев. Результатом этого опыта стала книга «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах», изданная в полном объеме по политическим причинам только в 1868 г. Однако отдельные главы все же были опубликованы в ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1856 г.

Чтобы определить жанровое и художественное своеобразие исторических очерков Ковалевского, основанное на этической позиции автора-повествователя, его роли в представлении изображаемых событий, необходимо сопоставить две редакции текста – «Трех глав из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов» и окончательный вариант этих глав, опубликованный спустя 10 лет.

Материал и методы

История издания книги Ковалевского о Крымской войне (многие историки называют весь комплекс военных событий 1853–1856 гг. Крымской войной, потому что наиболее важные «военные действия разыгрывались именно в Крыму» [2, с. 28]) описана исследователем его жизни и творчества Б. А. Вальской. После завершения работы над рукописью Е. П. Ковалевский передал все материалы М. Д. Горчакову. Последний признал, что сочинение Ковалевского «вполне заслуживает быть напечатанным, как труд добросовестный и написанный прекрасным языком», но предложил «исключить вообще политическую часть, неудобную к напечатанию при настоящих обстоятельствах, отчего сочинение лишилось бы многих своих достоинств» и рекомендовал «ограничиться изданием отрывков – как то уже было начато – с тем, чтобы прекрасный труд сей хранить в целости до тех пор, пока обстоятельства позволят издать его в полном объеме» [3, с. 165–166]. Сам же Ковалевский в Предисловии к первому изданию [4] книги в 1868 г. пишет, что работал над «записками» до конца 1856 г. «По приезде в Петербург, обработав свою рукопись, я послал ее князю Горчакову, в Варшаву, <...> который, дополнив ее своими замечаниями и приложениями, возвратил мне. По стечению обстоятельств, о которых нет надобности говорить, с тех пор я ее не видел» [4, с. I].

О причинах, побудивших Е. П. Ковалевского вернуться к публикации книги спустя более 10 лет, читаем здесь же: «В то время, когда я всего менее думал о „Войне с Турцией“, получил я письмо от председателя Военно-Ученого Комитета, в котором он, в одобрительных для меня выражениях, предлагал содействие Комитета как материальное, так и научное для издания книги. В то же время получил я и рукопись обратно». Автор приводит два основных аргумента в пользу публикации: «О Дунайской кампании ничего не было писано» и «напечатанные мною в журналах 1856 года статьи из предлагаемой теперь книги и из записок, веденных во время осады Севастополя, были приняты с живым сочувствием (так говорили мне)». Сам автор признает, что его труд будет интересен скорее «как материал будущим историкам» [4, с. II].

Политическая часть, которую Горчаков считал лишней, была связана с «восточным вопро-

сом». Воодушевленные идеей помощи «славянским братьям» и «спасительной миссией России в деле славянского освобождения» [5, с. 49], прославянофильски настроенные круги восприняли начало Дунайской кампании как возможность для объединения всех славян. В стихотворении Ф. И. Тютчева, опубликованном в марте 1854 г. в «Современнике», последние строки предрекали «российскому императору будущее главы славянского мира («всеславянского царя»)» [6, с. 355]. В книге Ковалевского мысль о необходимости освобождения славян от турецкого ига проходит красной нитью.

После смерти Николая I причины Восточной войны были окончательно забыты. Не случайно В. С. Аксакова писала об этом в своем дневнике (29 марта 1855 г.): «Надобно сознаться, что с самой первой минуты своего царствования до сей поры новый государь ни одним звуком голоса, не только словом, не выразил хотя бы нечаянно какого-нибудь сочувствия к славянам и вообще к православным нашим братьям на востоке. <...> Забота об славянах, кажется, вовсе исключена из его политики, и знамя святой причины настоящей войны потеряно» [7, с. 93].

«Отечественный дефицит информации» [5, с. 52] о событиях Крымской войны не позволял российскому читателю быть в курсе реальных обстоятельств. Всем журналам, за исключением «Русского инвалида» и «Северной пчелы», запрещалась публикация касающихся до них военных материалов. Поэтому основным источником информации часто становились зарубежные издания, настроенные враждебно: «Российский читатель был вынужден терпеть злорадство европейской прессы, но не мог активно противостоять ей, <...> его сковывали бесчисленные цензурные ограничения, <...> ничтожное в сравнении с Европой количество печатных органов» [5, с. 53]. Только со сменой самодержца в «Современнике» и «Отечественных записках» появляются произведения различных жанров, посвященные Крымской кампании: рассказы графа Л. Н. Толстого, стихотворения Н. А. Некрасова, рассказы солдат в обработке Н. П. Сокальского, хроника военных событий; та же тенденция обозначилась и в «Отечественных записках» за 1856 г.: «Что пишется и рассказывается теперь, все это еще отдельные отрывки из великой эпопеи, которую еще невозможно обнять в стройной картине» [8, с. 41–42]. При этом упоминания о Дунайском походе чрезвычайно редки.

В ряду свидетельств очевидцев Крымской кампании и предшествующих ей событий на Дунае достойное место занимают главы из книги Ковалевского. Как справедливо заметил рецензент из «Военного сборника» 1868 г., если бы сочинение Ковалевского явилось «тотчас после войны, оно имело бы громадный успех» [9, с. 117]. Но и пу-

бликация в «Отечественных записках» в ноябре 1856 г. трех глав из будущей книги вызвала огромный читательский интерес, который можно объяснить как с точки зрения содержания, так и формы (жанрового своеобразия).

Результаты и обсуждение

Два вопроса возникают перед исследованием названной публикации. Почему именно в это время Ковалевский отдает в «Отечественные записки» свой труд? Чем обусловлен его выбор именно этих глав из неизданных записок?

Ответ на первый можно найти на страницах предыдущих номеров журнала. В сентябре-октябре в разделе «Современная хроника России» был опубликован Высочайший манифест по случаю коронации императора Александра Николаевича. Указами Правительствующему Сенату предписано отметить не только героически сражавшихся защитников Севастополя, но и участников Дунайских событий: «Сии медали, также на ленте ордена святого Георгия, Мы предназначаем для воинов, участвовавших в блистательных битвах и вообще в военных действиях 1853, 1854 и 1855 годов, как в Азиатской Турции, так и в пределах нашей Империи» [10, с. 2]. Вероятно, появление именно этого официального документа позволило Ковалевскому напомнить русскому обществу о Дунайской кампании, учитывая, что отношение к ней было неоднозначным. Мнения европейских государств, высказываемые в иностранной прессе, анонимная статья «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года», которая распространялась в рукописном виде, диаметрально противоположные взгляды западников и славянофилов – все это оказалось фоном, на котором явились главы Ковалевского. Ставшие практически первым открыто изданным свидетельством той поры, они показывали героизм русского солдата в период Дунайской кампании на чужой территории и раскрывали идею патриотизма на материале жизни славянских народов, угнетаемых турками.

На второй вопрос дает ответ знакомство с полной версией книги Ковалевского 1868 г. Важно отметить, что из 20 глав для первой публикации автор выбирает 9, 10 и 11-ю, что не случайно. Именно в этих главах синтез документального повествования с художественным воплощением, прежде всего через фигуру повествователя, является определяющим.

В первой главе «Политической и военной истории...» речь идет о Четатском сражении, которое позже историки назовут концом «первого периода Дунайской кампании» [2, с. 295]. Интересно расположить свидетельство Ковалевского рядом с телеграфным сообщением, которое приводит Карл Маркс в статье «Восточная война» (Лондон, 14 января 1854 г.): «...6 января турецкая дивизия силой в

15 000 штыков с 15 орудиями атаковала укрепленную окопами позицию у Четате, недалеко от Калафата, и взяла ее приступом» [11, с. 22]. Ковалевский уже в краткой аннотации, которая сопровождает каждую главу, утверждает обратное и выражает собственное отношение к происходящему. Это особенно заметно, если сопоставить журнальную публикацию 1856 года с последующим изданием.

Журнальная публикация 1856 г.	Издание 1868 г.
<p>Дело 25 декабря. Движение Баумгартена к Четатской позиции. – Атаки на эту позицию. – Турки отбиты и опрокинуты... (здесь и далее полужирный курсив мой. – Е. А.) Потеря турок. – Дух русских войск [12, с. 235]</p>	<p>Дело 25 декабря полковника Баумгартена. Движение Баумгартена к Четатской позиции; атака и защита этой позиции. – Наступление 3-го батальона; отбитие двух орудий... Потеря турок [4, с. 109]</p>

В первом случае сильна эмоциональная составляющая даже в кратком анонсе событий главы. Отрицательное отношение к туркам проявляется через важную деталь – использование оценочных причастий: не просто «защита этой позиции», а «отбиты и опрокинуты». Отсутствующее в позднем издании упоминание «духа русских войск» дает установку на основную цель публикации главы – идею патриотизма, которая, не ограничиваясь для Ковалевского установками славянофильства, станет определяющей в его произведении. Антитеза «турки и русские» будет усиливаться на протяжении всей главы.

При этом Ковалевскому важна точность и в численности войск противника (40 тыс. войска находилось в составе турецкой армии в конце декабря, что значительно превосходило силы русских), и в перечислении корпусов, дивизий, полков, батарей. Им приводятся подробные данные о количестве орудий, численности эскадронов. Кроме того, как опытный путешественник, он детализировано описывает географическое положение: «С. Четати лежит в версте с небольшим от Дуная и расположено параллельно течению его, на гребне высот, которые тянутся вниз по Дунаю, спускаясь обрывисто к левому его берегу и полого к стороне Малой Валахии. К этому селению примыкает небольшая деревенька Фонтына-Бунулуй. Вправо тянется низменное прибрежье Дуная с несколькими заливами; влево возвышенности, спускаясь постепенно, переходят в обширные равнины. <...> Обе деревни перерезывает большая дорога, которая идет из с. Ульму в с. Гунию» [12, с. 237]. Лаконичность описания с использованием точных деталей ориентирована на читателя, который должен достоверно представить место действия, географические же реалии необходимы для зримой передачи позиции русского войска и неприятеля.

Главная авторская идея – героизма русских солдат, формирующая образ сочувствующего повествователя, не вмещается в рамки военной хроники. Вследствие чего постоянно – в художественных деталях – проявляет себя очерковое начало, что задает проблему синтетического жанра произведения Ковалевского.

Так, подробное описание боя сопровождается яркими метафорами и эпитетами – «рассыпана 3-я мушкетерская рота», «кровавый бой», «неустрасимые тобольцы держались».

Журнальная публикация 1856 г.	Издание 1868 г.
Полковник Баумгартен, подавляемый отовсюду страшными массами неприятеля	
Турки, как и должно было полагать, рассчитывая на свою многочисленность, кинулись за ними	Турки, как и должно было полагать, рассчитывая на свою многочисленность, не оставляли их
Неприятель в этой схватке понес страшную потерю [12, с. 238]	Неприятель в этой схватке понес сильную потерю [4, с. 114–115]
...услышав часу в 9-м утра пушечные выстрелы со стороны Четати, немедленно выступил он из Моцеца двумя колоннами...	услышав часу в 9-м утра пушечные выстрелы со стороны Четати, выступил из Моцеца двумя колоннами...
Несмотря на сильную позицию и значительный числительный перевес неприятеля, генерал Бельгард, думавший только о том, чтоб выручить из опасности полковника Бумгартена , решился атаковать его [12, с. 240]	Несмотря на сильную позицию и значительный числительный перевес неприятеля, генерал Бельгард решился атаковать его [4, с. 116–117]

Это сопоставление демонстрирует большую эмоциональность автора по сравнению с более поздней редакцией, что вносит противоречие в его, казалось бы, объективную, надсобытийную позицию. Он наделяет героев собственным объяснением их поступков, что неприемлемо для исторической хроники. И это вполне объяснимо.

Описывая героическое поведение русских солдат и офицеров с точным перечислением их имен и фамилий (Полковник Баумгартен, храбрые командиры 3-й и 4-й гренадерских рот капитан Грицай 2 и штабс-капитан Грицай 1, поручик Калакуцкий ударил в штыки и опрокинул неприятеля», «получил две раны храбрый майор Коломейцев», «был ранен в голову храбрый штабс-капитан Ляпунов», «Поручик легкой № 1 батареи Липарский, лишившись всей своей прислуги, сам действовал банником¹. Штабс-капитан той же батареи Гиршхейд, с двумя орудиями удерживал натиск всей массы неприятеля» [12, с. 238–239]), Ковалевский запечатлевает участников Четатского дела, напоминая их подвиги.

Описывая кровопролитный бой с превосходящими силами противника, он пытается объяснить причины, по которым генерал-адъютант Анреп-Эльмпт не пришел сразу на помощь Тобольскому полку, делая это очень осторожно: «Мы оставили генерал-адъютанта графа Анрепа-Эльмпта, расположенного с отрядом своим в Быйлешти; услышав выстрелы, он некоторое время не решался оставить позади себя край и главный город Малой Валахии, *почти совершенно обнаженными от русских войск*, но, наконец, когда пальба стала усиливаться, двинулся по направлению к Модловиту» (здесь и далее светлый курсив мой. – Е. А.) [12, с. 241].

На страницах «Отечественных записок» читаем еще одно важное размышление автора, принадлежащее повествователю, которое впоследствии не войдет в окончательный текст издания 1868 г.: «Современная история имеет то важное неудобство, что, по необходимости, приходится излагать в ней одни факты, описывать события, не касаясь часто причин, породивших их, ни лиц, имевших на них влияние. Пока страсти еще не улеглись, *трудно открыть истину* во всех толках и рассказах, возбуждаемых ими; для того нужно отодвинуться от событий многими годами: предметы вблизи кажутся яснее – это правда, но они представляются отдельно, без связи с другими; только на дальнем и светлом горизонте они обрисовываются в нечто цельное и законченное. Вот почему нам было бы очень трудно в настоящее время объяснить и причины описанного нами расположения отряда в Малой Валахии и движение его к полю битвы. События породили много толков в свое время в армии» [12, с. 242].

По причинам, связанным с официальным положением и статусом, о самих слухах и толках Ковалевский не говорит. Их опишет впоследствии, опираясь на свидетельства Петра Кононовича Менькова, академик Е. В. Тарле. «Никто из участников боя не сомневался, [что] <...> не пришлось бы потерять убитыми и ранеными около двух тысяч человек и, главное, не ушли бы турки к Калафату, а были бы все перебиты или взяты в плен, если бы Анреп так страшно не запоздал». Это опоздание объясняется празднованием «немецким графом рождения Христова», что простые солдаты восприняли как «сознательную измену» [2, с. 292].

Есть и важное философское значение в высказывании Ковалевского. Что есть истина в истории? Любая оценка события не может быть названа объективной, и в этом позиция писателя близка позиции Л. Н. Толстого, будущего автора «Войны и мира». Характерно, что спустя 11 лет, имея «дальний и свет-

¹ Банником в артиллерии русской императорской армии называлась специальная щетка или колодка на деревянном древке, предназначенная для очищения ствола пушки от остатков порохового нагара и гашения тлеющих частиц заряда, оставшихся после произведения выстрела.

лый горизонт», Ковалевский заменит историософское размышление в тексте попыткой объяснить причины, приведшие к такому печальному исходу Четатского сражения: «Отдавая полную справедливость испытанной уже столько раз неустрашимости графа Анрепа, мы не можем не заметить, что, в этот раз, он упустил случай ознаменовать себя новым подвигом и разбить турок, уже понесших большие потери и изнеможенных продолжительным боем. Ответственность за вверенный ему край, оставленный с ничтожными средствами к защите и в котором было много революционеров, волновавших народ, *кажется*, заставила его поспешить возвратиться с поля действия» [4, с. 119].

Субъективность данного предположения подчеркивается вводным словом *кажется* и не претендует на историческую истину. Для Ковалевского главное – это «несокрушимая стойкость русского солдата, составлявшая во все войны его отличительную черту» [12, с. 243]. Его утверждение, не противоречащее истории («мужество и стойкость русского солдата и рядового офицера <...> остались вписанными золотыми буквами в книгу военной доблести русского народа» [2, с. 295]), по духу близко идеям Л. Н. Толстого периода создания «Севастопольских рассказов».

Потери в Четатском деле были значительные, и Ковалевскому важно дать представление об убитых и раненых как со стороны русских солдат, так и со стороны турецких. Для этого он использует прием гиперболы:

Журнальная публикация 1856 г.	Издание 1868 г.
Турецкие войска понесли огромные потери <i>в этом деле</i> ; поле от Четати до Гунии было покрыто <i>грудями их трупов</i> , которые два дня оставались неубранными [12, с. 243]	Турецкие войска понесли огромные потери; поле от Четати до Гунии было покрыто трупами, которые два дня оставались неубранными [4, с. 120]

Эта же мысль о патриотизме русского воина продолжается и *во второй главе*, речь в которой идет о политике западных держав (Австрии, Пруссии), разрыве с Англией и Францией. Ковалевский и здесь исторические события описывает не только лишь как хроникер, но и как писатель: «Следя за нитью военных событий, совершавшихся на берегах Дуная, мы на время отклонили взоры свои от политического горизонта, все более и более покрывавшегося тучами» [12, с. 243]. Образность, присутствие повествователя вновь вносят субъективный момент в изображение, но одновременно и приближают к нему читателя своим равнодушным тоном. Участливое отношение к политическим событиям очевидно при сопоставлении вариантов текста разных изданий:

Журнальная публикация 1856 г.	Издание 1868 г.
После того, как <i>диван отказался принять ноту</i> , составленную союзными державами, Венские конференции были закрыты, и австрийский кабинет <i>увлекался, все более и более уклоняясь от вековых преданий своей политики</i> . Морские державы <i>с упорством следовали принятому ими плану</i> , не сводили глаз с поступков австрийского двора <i>и употребляли все усилия, чтоб привлечь</i> его на избранный ими путь. Страх внутренних потрясений, страх революций постоянно <i>представлялся взорам австрийского правительства</i> , и, как злой дух, как кошмар, преследовал и подавлял ее даже тогда, когда вокруг все было спокойно и, по-видимому, счастливо. Таким образом, Австрия, несмотря на <i>вековой и натуральный союз с Россией</i> , несмотря на недавние обязательства <i>с нею</i> , подписала сначала протокол 27 ноября/9 декабря, потом 1/13 января, наконец, <i>27-го февраля (9 апреля)</i> [12, с. 243–244]	После небрежного отказа Дивана принять ноту, составленную союзными державами, Венские конференции были закрыты, и австрийский кабинет предоставил свою политику течению событий. Морские державы, уже утвердившиеся в своих намерениях, не сводили глаз с австрийского двора, стараясь привлечь его на избранный ими путь. Страх внутренних потрясений, страх революций постоянно парализовал все действия Австрийской империи и, как злой дух, как кошмар, преследовал и подавлял ее даже тогда, когда вокруг все было спокойно и, по-видимому, счастливо. Таким образом, Австрия, несмотря на недавние обязательства с Россией, подписала сначала протокол 27 ноября/9 декабря, потом 1/13 января, наконец, в феврале сделала еще шаг вперед [4, с. 121–122]

В этом эмоциональном объяснении предательства Австрии четко выражена позиция Ковалевского. Николай I был уверен в поддержке союзника, который именно России был обязан подавлением венгерского восстания 1848–1849 гг. Рассчитывая на союз с Францем-Иосифом, русский царь не учел выгоды, которую тому сулил Наполеон III. Разногласия в оценке поступков австрийского императора и роли России в освобождении славянских народов от турецкого ига стали предметом дискуссии, развернувшейся в официальных и неформальных кругах.

В уже упоминаемой статье «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года» автор подвергает критике действия царского правительства в противовес «официальной и славянофильской пропаганде», оправдывая действия Австрии боязнью «движения западных славян за свое освобождение», поэтому «упрек неблагодарности здесь неуместен» [13, с. 383]. Именно славянский вопрос стал определяющим для позиции Ковалевского в отношении к военным действиям на Дунае. Возмущение поступ-

ками турецких подданных по отношению к славянам проявляется на всем протяжении повествования (и во всей книге, изданной позже, эта тема будет подниматься неоднократно): «...турки, еще до объявления войны, вторглись в наши азиатские владения, захватили пост Св. Николая и стали грабить Армянскую область», «В то время восстание греков уже разгоралось в Эпире и готово было обнять весь юг Европейской Турции; – угнетенные, истерзанные, доведенные до отчаяния жестокостью и самоуправством нашей, жители взялись за оружие, решившись лучше погибнуть славной смертью, чем томиться жизнью позора, под гнетом нравственным и физическим. <...> отправились в горы отстаивать права человечества и свободу, утраченную бедными раями, о которой не позволено даже и мечтать христианину на востоке» [12, с. 247].

Поэтому официальная позиция введения войск в Валахию и Молдавию Ковалевским приветствуется, он описывает ожидание реакции на неправомерные действия турецкого правительства и союзников со стороны императора Николая I, причем в последующей редакции этот текст остается практически неизменным. Это говорит о том, что позиция Ковалевского не изменилась за 12 лет, отделяющих первую публикацию от полного издания книги. Приводя переписку императора французов и ответ императора российского, он всецело поддерживает политику последнего: «Это письмо было выражением духа народного, <...> всякий помнил 1812 год и веровал в правоту своего дела, твердость и несокрушимость русского духа. В России был общий возглас – война! <...> Радостно откликнулся этот народный возглас на далеком юго-западе турецких владений, между племенами нам единоверными, и какие теплые и чистые молитвы воссылали они за успех русского оружия» [12, с. 247].

Характерно, что подобной позиции по отношению к славянам и предательскому поступку Франца-Иосифа будет придерживаться и Ф. М. Достоевский. В его полемических статьях из «Дневника писателя» за июль-август 1876 г. «Идеалисты-циники» и «Постыдно ли быть идеалистом?» подвергаются критике суждения Грановского-Чичерина² – прежде всего с точки зрения славянского вопроса и оправдания политики «текущей выгоды»: «...с признанием справедливости плевать на честь и на совесть, лишь бы сорвать шерсти клоч, ведь с этим можно очень далеко зайти... Напротив, не лучшая ли политика для великой нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости, даже, по-видимому, и в ущерб ее интересам» [13, с. 65].

Цель этой главы – в объяснении появления Высочайшего манифеста о войне, которого в России, по словам Ковалевского, ждали «с нетерпением».

Закономерно, что его текст приводится «вполне», а свойственный ему пафос отвечает гражданской экзальтации автора: «Но Россия не изменит святому своему призванию; и если на пределы ее нападут враги, то мы готовы встретить их с твердостью, завещанной нам предками» [12, с. 248].

Эта глава важна и как ответ на многочисленные публикации в зарубежной прессе по вопросам вступления России в войну, в качестве разъяснения его причин: «Под таким грозным знаменем настал 1854 год. Правда, черные тучи, облегишие все небо от края до края, еще не разразились грозой и пламенем всеобщего пожара; и только поля Ольтеницы и Четати дымилась свежей кровью; но изумленная Европа с невольным трепетом и сомнением ожидала, чем разразится эта политическая гроза» [12, с. 248].

Приведенная цитата весьма характерна с точки зрения жанровой трансформации – из хроники в очерк, в котором усиливается сочувственный тон и экспрессия, что обеспечивается использованием метафор и символики. Следуя поставленной задаче осмысления событий Дунайской кампании через проблему героизма и патриотизма русского солдата на полях сражений, личностная позиция автора проявляется в его индивидуальной манере повествования, что и определяет жанровое своеобразие очерка.

В логике этой градации особенно выделяется метафора политической грозы 1854 г., которая будет развернута в **третьей главе** «Политической и военной истории», где речь идет о событиях военных – действия русских отрядов в течение зимы на нижнем Дунае.

Предваряя ход сражений, Ковалевский в экспозиции главы дает лаконичное пейзажное вступление, переходящее в сочувственный авторский отклик: «Зима настала холодная и сухая; но к концу декабря пошли дожди; дороги сделались непроходимыми; грязь невылазная; по временам, вдруг все замерзло. Вообще, здешний климат отличается своим непостоянством. Нелегка аванпостная служба в такое время года» [12, с. 249]. Включение описания природы в историческую хронику дает возможность читателю соприкоснуться с судьбами людей, ощутимо представить, что может чувствовать солдат в непогоду. Это взаимодействие с миром вечности (подобно лировскому сочувствию у Шекспира ко всем «бесприютным скитальцам») – сознательный прием, в котором сочетается конкретный пейзаж и его символическое осмысление, связанное с включением событий в общечеловеческое и мировое пространство.

Дальнейшее повествование передает напряженные действия русских отрядов и при постройке батарей по берегам Дуная, и действия обеих флоти-

² Автором брошюры был Б. Н. Чичерин, а не Т. Н. Грановский, как предполагал Ф. М. Достоевский.

лий. Особый интерес вызывают несколько эпизодов, которые не случайно выбраны Ковалевским к публикации в 1856 г.: «<...> флоты союзников уже готовы были войти в Черное море. Командир 3-го пехотного корпуса, генерал-адъютант барон Остен-Сакен <...> в самое же устье Сулины поставил на якорях в линию три купеческие судна, соединив их канатом, укрепленным концами к берегам; кроме того, предположено было затопить несколько судов, если бы гирло не обмелело» [12, с. 252].

Этот маневр очень напоминает будущие события героического сражения в Севастополе. Подобной же задаче соответствует еще один эпизод, который особенно интересен в сопоставлении со второй редакцией.

Журнальная публикация 1856 г.	Издание 1868 г.
Турки <...>.	Неприятель <...>.
Наконец, чтобы отклонить внимание турок от настоящих своих движений, командующий войсками поручил посланному временно в ольгеницкий отряд генерал-лейтенанту Хрулеву устроить несколько батарей и ложементов для действия по городу, по острову, занимаемому турками, и, наконец , по лодкам, шедшим из города к острову . Батареи эти были начаты были 27-го февраля и кончены.	Наконец, чтобы отклонить внимание турок от настоящих своих движений, командующий войсками поручил посланному временно в ольгеницкий отряд генерал-лейтенанту Хрулеву устроить несколько батарей и ложементов для действия по острову, занимаемому турками, и, в случае возможности , по лодкам, шедшим к нему из города. С тем вместе генералу Хрулеву поручалось овладеть островом, если только это не было сопряжено с большей потерей людей. Но турки сильно засели на нем, высылая беспрестанные подкрепления из Туртукая и возводя новые укрепления на острове, защищаемом густым лесом. Генерал Хрулев ограничился рекогносцировкой острова и устройством батарей на нашей стороне. Работы производились по указанию подполковника Тотлебена, приобретшего впоследствии столь громкую и заслуженную известность; они начаты были 27-го февраля и кончены 1-го марта.
Огонь их был так действителен, что большая часть жителей оставили город, часть передовых земляных верков была разрушена, и две лодки, вместе с находившимися на них людьми, были потоплены [12, с. 252–253]	Огонь их был так действителен, что даже часть жителей Туртукая оставили город; передовые земляные верки острова были разрушены и две лодки, вместе с находившимися в них людьми, потоплены [4, с. 136–137]

Ковалевский во второй редакции проводит прямую параллель с крымскими событиями (Тотлебен, военный инженер, «гений фортификации», сыграл огромную роль в обороне Севастополя), утверждая, что ее корни нужно искать именно в Дунайской кампании, а героизм русского солдата и офицера в полной мере проявил себя уже в событиях, развернувшихся на Дунае. В череде описываемых им подвигов русского воина мы узнаем и о «штуцерных Кольванского и Томского Егерского полков», и о «батальонным начальнике, храбрым подполковнике Верещаге», «убитом несколькими пулями в грудь», и о «капитане Халкионове, принявшем <...> команду после смерти Верещаги», и о генерал-лейтенанте Сойманове [12, с. 254]. «Летописец» Ковалевский, верный себе, старается не забыть участников битвы и назвать всех по именам. Здесь и начальник инженеров генерал-адъютант Шильдер, и майор Симонтовский, и полковник Зыбин. Он напоминает о почти «забытой» войне, которая, несомненно, стала предтечей крымских событий. Повествователь вводит в русскую литературу очерк, главной мыслью которого оказалась судьба и сила русского народа, освобождающего дунайские земли от угнетения. Патриотическая идея в силе этического звучания приобретает эпический размах и вдохновляет Ковалевского.

Произведение Ковалевского ожидалось современниками как предельно объективное и достоверное повествование о событиях на Дунае. В письме Е. Я. Колбасина И. С. Тургеневу от 2 декабря 1856 г. упоминается «отчаяние» Толстого по поводу публикации этих глав не в «Современнике», а в «Отечественных записках». Называя «Три главы из военной истории 1853, 54 и 55 гг.» «лучшей вещью этой книжки», Колбасин приводит характерные черты, которые считает за недостатки, но которые на самом деле указывают на особенность авторского стиля: «Реляции и выписки из газет» [14, с. 303].

Своеобразие очерков Ковалевского в синтезе документального повествования (со всеми фактами, цифрами, свидетельствами участников) и художественного. Позиция повествователя, проявляющаяся в оценке происходящего и художественно-философском обобщении, вкрапления пейзажных зарисовок, точные и яркие детали поведения солдат и офицеров – все это вплетено в хроника событий. Поэтому нельзя однозначно определить жанр произведения – историческая хроника, очерк, **документальное повествование**. Поставленная таким образом проблема непосредственного и неравнодушного повествователя открывала автору возможность прямо высказать свою точку зрения, что привлекало читателя и давало писателю своеобразную трибуну. Уже опыт публикации избранных глав масштабного труда Ковалевского показал осо-

бенность его манеры воспроизведения действительных событий не как отстраненного наблюдателя, но как чувствующего повествователя, высказывающего свое отношение к судьбам России и славянского мира. Явное тяготение к очерковому началу является следствием беллетристических опытов писателя и многогранности его личности (писатель, путешественник, географ, дипломат). И тот факт, что спустя 12 лет о книге не забыли, она была издана по просьбе Военно-ученого комитета, о чем указано на титульном листе издания (Удостоена высшей премии Военно-ученого комитета и на его счет издана) [4], свидетельствует о признании важности этого труда как с исторической, так и художественной точки зрения.

Заключение

О сложной структуре жанра и его рецепции свидетельствует полное издание цикла очерков «Война с Турцией и разрыв с западными державами» (1868 г.), восполнивших, по словам Ковалевского, сведения «об описываемой нами эпохе» [15, с. 3]. По сравнению с публикацией избранных глав, издание отличается полнотой осмысления событий Дунайской кампании через призму прошедших лет. Описывая реальные события, Ковалевский большее внимание уделяет художественной стороне повествования. Подробные биографии-портреты современников, уже вошедших в историю, подробности ландшафта, пейзажа, жизни народов на фоне описания сражений, обеспечения продовольствием и медицинской помощью составили единое поле осмысления Восточной войны. В рецензии на книгу Ковалевского в «Современном обозрении» за 1868 г. автором под инициалами «Г. Н.» было отмечено, что «наша литература <...> даже вовсе не имеет ни одного полного сочинения войны» [9, с. 102] и «этот-то недостаток и пополняет до неко-

торой степени сочинение г. Ковалевского» [9, с. 103]. Среди главных достоинств книги отмечены главы, рассматривающие дипломатическую сторону описанных событий и «общую картину всех действий наших войск в княжествах», но были названы и недостатки: «...так много упущено в ней подробностей, что для будущего историка она окажется недостаточной» [9, с. 109].

На эту критику последовал достаточно полный ответ самого Ковалевского: «Нельзя требовать от автора более, чем он обещает. Нигде не заявляет он претензий своих на критическую оценку военных действий, значение которых мы определили. На стратегические соображения, на строго научные выводы и проч. Такие широкие, обширные виды не входили в его скромные суждения» [15, с. 3]. Признавая, что эта война «была строго подчинена дипломатическим, а не стратегическим соображениям», Ковалевский завершает свою статью историко-софским выводом: «Что же касается того, что в книге нельзя найти разъяснения тех сомнений, которые существуют до сих пор относительно некоторых эпизодов дунайской кампании, то я должен сказать, что эти „сомнения“, которые так волновали и занимали в то время людей причастных к эпизодам, вероятно, так и останутся неразъясненными и едва ли история от этого много потеряет» [15, с. 3].

Таким образом, свобода в использовании художественных способов изображения материала, соединение публицистики и художественного текста оказались для Ковалевского способом реализации писательских замыслов в особом жанре, синтезирующем открытый и прямой публицистический пафос с художественной формой. Эта специфика была дорога Л. Н. Толстому, который претворил ее в «Севастопольских рассказах». Ценность очеркового опыта Ковалевского, вероятно, была по-своему усвоена и Ф. М. Достоевским («Дневник писателя»).

Список литературы

1. Проценко Е. Г. Литература «путешествий» в России в 1840–1850-е гг.: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 220 с.
2. Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 567 с.
3. Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М.: Географгиз, 1956. 200 с.
4. Ковалевский Е. П. Война с Турцией и разрыв с Западными державами в 1853–1854 годах. С планами и картами. СПб., 1868. 295 с.
5. Орехова Л. А., Орехов В. В. и др. «Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. 2-е изд., перераб. и доп. С.: СГТ, 2010. 480 с.
6. Динесман Т. Г. Тютчев и Егор Петрович Ковалевский (Неизданные письма Тютчева Ковалевскому) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1991. Т. 50, № 4. С. 353–369.
7. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855 / ред. и прим. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб.: Огни, 1913. 174 с.
8. Чернышевский Н. Г. Военно-исторические очерки Крымской экспедиции, составленные Генерального штаба капитаном Аничковым // Отечественные записки. 1856. Т. CV. С. 41–42.
9. Ковалевский Е. П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах // Военный сборник. Современное обозрение. 1868. С. 101–119.
10. Высочайший манифест 26 августа 1856 г. // Отечественные записки. 1856. Т. CVIII. С. 1–23.

11. Маркс К. Восточная война. Собрание сочинений. М.: ГИПЛ, 1958. Т. 10. С. 17–27.
12. Ковалевский Е. П. Три главы из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов // Отечественные записки. 1856. Т. СІХ. С. 135–258.
13. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. 424 с.
14. Населенко Е. П., Мотовилова М. Н. Из писем к И.С. Тургеневу Е. Я. и Д. Я. Колбасиных // Тургенев и круг «Современника». Л.: Academia, 1930. 491 с.
15. Ковалевский Е. П. Ответ на разбор книги «Война с Турцией и разрыв с западными державами» // Русский инвалид. 1868. № 56. С. 3.

Александрова Елена Владимировна, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 10.02.2021.

DOI 10.23951/1609-624X-2021-4-121-130

THE GENRE NATURE OF “THREE CHAPTERS FROM THE POLITICAL AND MILITARY HISTORY OF 1853, 1854, AND 1855” BY E. P. KOVALEVSKY

E. V. Aleksandrova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The material of historical essays by E. P. Kovalevsky, devoted to the events of the Danube campaign, which was practically not studied before, is presented in the work. The aim of the work is to study the genre content of Kovalevsky's essays and determine their role in the literary process of the 1850s.

Material and methods. The research focuses on the work “Three chapters from the political and military history of 1853, 1854 and 1855”, written by a direct participant of the events and at the same time a representative of official circles. Published in “Otechestvennye Zapiski” in 1856, it is considered in comparison with the work “The War with Turkey and the severance with the Western powers in 1853 and 1854” which was published for political reasons only in 1866. The research uses comparative and cultural-historical methods.

Results and discussion. The research shows that Kovalevsky's essays are the first artistic interpretation of the Danube campaign events against the background of official circles' silence on the political reasons for the beginning of the Crimean war. The originality of the author's creative manner is shown in the synthesis of a documentary narrative with elements of essay and story. The problems of essays (the problem of the hero, patriotism) and their poetics (the description of nature, the role of the narrator) expand the horizons of the author's creative search and give an impetus to understanding and presenting new material (form and content) to contemporaries.

Conclusion. Typological features of the historical essay and its artistic features in the work of Kovalevsky are revealed. The study of the essay genre on the example of Kovalevsky's “war stories” makes it possible to build a line of creative continuity in Russian literature (Tolstoy and Dostoevsky). This work will be useful for scientists of historical and philological profile: from the point of view of genesis, the synthetic nature of the essay genre and the literary and factual context of the events of the Crimean campaign.

Keywords: E. P. Kovalevsky, Danube campaign, essay, historiosophical position, problem of hero, role of narrator.

References

1. Protsenko E. G. *Literatura «puteshestviy» v Rossii v 1840–1850-e gg. Dis. kand. filol. nauk* [Travel literature in Russia in the 1840s and 1850-s. Dis. ... cand. philol. sci.]. Leningrad, 1984. 220 p. (in Russian).
2. Tarle E. V. *Krymskaya voyna* [The Crimean War]. Moscow, AN SSSR Publ., 1950. 567 p. (in Russian).
3. Val'skaya B. A. *Puteshestiya Egora Petrovicha Kovalevskogo* [Travels of Yegor Petrovich Kovalevsky]. Moscow, Geografiz Publ., 1956. 200 p. (in Russian).
4. Kovalevskiy E. P. *Voyna s Turtsiyei i razryv s Zapadnymi derzhavami v 1853–1854 godakh. S planami i kartami* [The War with Turkey and the severance with the Western powers in 1853 and 1854. With plans and maps]. Saint Petersburg, 1868. 295 p. (in Russian).
5. Orekhova L. A., Orekhov V. V. i dr. *Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) voyna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arkhivy, pressa* [The Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) war of 1853–1856 through the eyes of contemporaries: literature, archives, press]. Simferopol', Simferopol'skaya gorodskaya tipografiya Publ., 2010, issue 2. 480 p. (in Russian).
6. Dinesman. T. G. *Tyutchev i Egor Petrovich Kovalevskiy (Neizdannye pis'ma Tyutcheva Kovalevskomu)* [Tyutchev and Yegor Petrovich Kovalevsky. (Unpublished letters from Tyutchev to Kovalevsky)]. Moscow, Nauka Publ., 1991. Vol. 50. pp. 353–369 (in Russian).

7. *Dnevnik Very Sergeevny Aksakovoy. 1854–1855* [Diary of Vera Sergeevna Aksakova. 1854–1855]. Saint Petersburg, Ogni Publ., 1913. 174 p. (in Russian).
8. Chernyshevskiy N. G. *Voyenno-istoricheskiye ocherki Krymskoy ekspeditsii, sostavlennyye General'nogo shtaba kapitanom Anichkovym* [Military-historical sketches of the Crimean expedition, compiled by the General staff captain Anichkov]. *Otechestvennyye zapiski* [Annals of the Fatherland]. 1856. Vol. CV. Pp. 41–42 (in Russian).
9. Kovalevskiy E. P. *Voyna s Turtsiyey i razryv s Zapadnymi derzhavami v 1853–1854 godakh* [The War with Turkey and the severance with the Western powers in 1853 and 1854]. *Voyennyy sbornik. Sovremennoye obozreniye* [Military collection. Modern review]. Saint Petersburg, 1868. Pp. 101–119 (in Russian).
10. *Vysochayshiy manifest 26 avgusta 1856 g.* [The highest Manifesto August 26, 1856]. *Otechestvennyye zapiski* [Annals of the Fatherland]. 1856. Vol. CVIII. Pp. 1–23.
11. Marks K. *Vostochnaya voyna. Sobraniye sochinenii* [Eastern war. Collected works]. Moscow, GIPL Publ., 1958. Vol. 10. Pp. 17–27 (in Russian).
12. Kovalevskiy E. P. *Tri glavy iz politicheskoy i voyennoy istorii 1853, 1854 i 1855 godov* [Three chapters from the political and military history of 1853, 1854, and 1855]. *Otechestvennyye zapiski* [Annals of the Fatherland]. 1856. Vol. CIX. Pp. 135–258 (in Russian).
13. Dostoyevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 tomakh* [Complete works and letters: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. Vol. 23. 424 p. (in Russian).
14. Naselenko E. P., Motovilova M. N. *Iz pisem k I. S. Turgenevu E. Ya. i D. Ya. Kolbasinykh* [From I. S. Turgenev's letters to E. Ya. and D. Ya. Kolbasinykh]. *Turgenev i krug «Sovremennika»* [Turgenev and the circle of "Sovremennik"]. Leningrad, Academia Publ., 1930. 491 p. (in Russian).
15. Kovalevskiy E. P. *Otvét na razbor knigi «Voyna s Turtsiyey i razryv s zapadnymi derzhavami»* [Response to the analysis of the book "War with Turkey and the severance with the Western powers"]. *Russkiy invalid*, 1868, no. 56, p. 3 (in Russian).

Aleksandrova E. V., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru